

Л.А. Грехова

Подлинные истории призванных

Л. А. Грехова

**Подлинные истории призванных.
Как мы жили и верили**

Православное издательство "Сатись"

2005

Грехова Л. А.

Подлинные истории призванных. Как мы жили и верили /
Л. А. Грехова — Православное издательство "Сатись", 2005

ISBN 5-7868-0055-5

Эта книга о людях, которых Бог призвал в Свой чудный свет еще во времена советской власти. В те времена, когда верующих преследовали, лишая их работы, заключая в тюрьмы, ссылая на край земли. В те времена, когда детей учили поклоняться не Богу, а идолам – Ленину, Сталину и прочим. В книге нет вымысла. Все события и все имена подлинные. Читатель найдет в ней и размышления о человеческих судьбах, о Промысле Божиим, о путях веры.

ISBN 5-7868-0055-5

© Грехова Л. А., 2005
© Православное издательство
"Сатись", 2005

Содержание

От редакции	6
Дорогие мои старушки	7
Валентина и Евдокия	8
Серафима	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Л.А. Грехова
Подлинные истории призванных.
Как мы жили и верили

По благословению

Архиепископа Брюссельского и Бельгийского

СИМОНА

М. Грехова, текст, составление, 2005

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2005

От редакции

Уходят старики... Уходят из жизни, уходят из наших храмов. Казалось, так будет всегда: бабушки в шляпках и платочках на «своих» местах, знающие службу наизусть, умеющие так улыбаться, что сердце мгновенно откликалось и согревалось... И вдруг оказалось, что их может не быть: хвори, пережитое, возраст... И стало пусто. Без их лиц, без их строгости, теплоты. Без их любви к Церкви.

Сейчас изучаются архивы, и Церковь собирает материалы о новомучениках Российских – чадах и служителях Церкви, которые приняли мученическую кончину за верность Христу. Слава Богу, нам открыт теперь их подвиг, мы можем возносить им молитвы, мы все больше узнаем о том, **как** они жили в страшные 20-е, 30-е, 40-е. Но мы пришли в Церковь позднее. Большинство – в 80-е и 90-е годы, открывая для себя церковную жизнь по книгам, входя в Церковь со своим гордым мирским самомнением, непослушанием и «готовностью» к аскетическим подвигам. Мы знали, как «надо», но не умели просто быть верующими – не только на церковной службе, но везде и всегда: любить, прощать, терпеть, уступать. Мы и в Церкви стали замечать, что священники служат «не по Уставу», а старые прихожане не умеют «правильно» креститься и кланяться, а то и на колени встают, когда «не положено»...

А «бабушки» терпели все это и молились. Молились в Церкви, дома, на улице – терпели и прощали. Они были в Церкви, когда пастырей ссылали, судили, расстреливали, когда власти собирались закрыть «последний храм». Меру их подвига мы не знаем. Они собирали посылки ссыльным, они терпели насмешки коллег по работе и выдерживали давление «отдела кадров», они никогда не снимали икон у себя в доме, но если домашние были «против», закрывали иконки дверцами шкафчиков. Да, они ссорились со своими неверующими внуками, соседями, начальниками, но они любили их и молились за них. Они просто **жили и верили**.

Нам очень не хватает их сегодня.

Дорогие мои старушки

Светлой памяти тех, кто нес свой маленький огонек веры в мир

Я сама уже старушка, и с каждым годом в моей памяти все отчетливее вырисовываются образы тех, кто принял меня, новонаначальную, в свои объятия и потом уже никогда не бросал.

Я помню вас, отшедших в мир иной, вас, в пестрых платочках и стоптанных туфельках, вас, в шляпках с вуалью и чулочках в гармошку, вас, с детскими глазами на морщинистых личиках, в подростковых пальтишках от внучек, вас, строгих ревнителей внешнего благочестия, а по сути дела – одиноких и обездоленных, вас, с такими светлыми лицами, что даже не замечаешь, во что человек одет, – так сияет его лицо.

И все вы – избранные, но не по своей воле, а по Божьей. Так и я не по своей воле оказалась в вашем кругу.

О том, что я хожу в храм, сразу же стало известно на работе. Опыт у начальства уже был: одну сотрудницу за веру затравили и уволили под благовидным предлогом. Но так как по роду моей деятельности претензий ко мне не было, то меня вскоре оставили в покое, посчитав, что я повредила умом на религиозной почве.

Валентина и Евдокия

По совету одной из прихожанок Троицкого собора, любившей хорошее пение, я как-то отправилась в Духовную Семинарию на Акафист Божьей Матери. Помню, что это было 7 ноября. Я знала, что нужно пересечь монастырский сад. Темно. Скользко. Мокрый снег. А я в светлых сапогах на шпильках.

Впереди замаячила крошечная фигурка.

– Извините, как пройти в Духовную Семинарию?

– Идемте вместе, и я Вам все покажу, – тоненьким голоском произнесла фигурка. – А я иду и все молюсь Ангелу Хранителю, чтобы послал мне попутчика. Ангел Хранитель всегда меня слышит и помогает мне. Как хорошо идти вместе. Совсем другое дело.

Владыка Кирилл и регент иеромонах Ионафан

Так я познакомилась с Валентиной Александровной. За какие-то десять минут она рассказала мне всю свою жизнь – как была неверующей, хотя и крещеная, и внучка царского генерала, как беспутно жила, как после войны пришла к вере, как старается не пропускать ни одной службы в Семинарии. А как поют! А какие проповеди!

И действительно, я была очарована всей обстановкой в Семинарии, прекрасными, глубокими проповедями владыки Кирилла, пением хора под управлением иеромонаха Ионафана. Вскоре я познакомилась и с Евдокией Федоровной – подругой Валентины Александровны.

– Евдокия-грешница.

– А как Ваше отчество?

– Вообще-то Хфедоровна, – она говорила с украинским акцентом, – но Вы зовите меня Евдокия-грешница.

Через некоторое время она, чуть смущаясь, сказала: «Мне как-то сподручнее называть Вас на ты».

Все в ней мне нравилось – и неправильная образная речь, и умные, внимательные глаза за круглыми очками, и походка боком, как у мудрой вороны.

Евдокия была для меня образцом поведения христианки в миру. Я видела, как она перебарывала свою страстную натуру даже в мелочах: заставляла себя отводить глаза, чтобы не любопытствовать (делала она это очень смешно), ни к каким разговорам не прислушивалась, замечаний никому не делала, во всем винила главным образом себя.

Вот только с соседями никак не могли наладить отношений мои пожилые подружки.

Я с высоты своей относительной молодости не поддерживала разговоров типа «а я сказала – а она сказала». Умница Евдокия прекратила говорить со мной на эту тему, а Валентину Александровну унять было нельзя.

С легкой руки Евдокии мы стали называть Валентину Александровну Пончиком – за ее всегдашние розовые щечки и миниатюрность (она в молодости обожала балет и мечтала стать балериной). Пончик присутствовала на всех торжественных собраниях в Семинарии, заседаниях, чтениях. Сидела в первых рядах.

Мы с Евдокией хитро переглядывались, когда наш Пончик неслась впереди церковного начальства в актовый зал или в столовую, чтобы занять лучшее место. Она плохо слышала, но знала все новости.

Валентина Александровна (в темном костюмчике и беретике) на хиротонии о. Софрония

Много лет спустя, просматривая как-то красочный журнал, посвященный дням празднования Тысячелетия Крещения Руси, я не удивилась, увидев на фотографии на первом плане Валентину Александровну, а за ней митрополитов и прочее начальство.

Семинаристы называли ее «радисткой Кэт», так как слуховой аппарат, который она включала во время службы, пикал, свистел и постукивал. Прическа ее была по моде 30-х годов: короткая стрижка на косой пробор с непременно фестончиком. Платков она никогда не надевала, только беретки и шляпки.

Евдокия грамотой не владела – читала по складам, и писать совсем не умела. Она пела в любительском хоре смешным тоненьким голоском.

– Господь дал мне голос, чтобы я Его славил. А как сегодня Инахфан пел. А! Чистый соловейчик!

Мы вместе восхищались музыкальным дарованием регента иеромонаха Ионафана. При исполнении «Покаяния отверзи ми двери...» Веделя он держал длинную паузу, которая

«звучала», как натянутая струна. И после паузы хор издавал многоголосый стон... Такого исполнения «Покаяния...» я больше никогда не слышала.

Пончик любила угощения и подарки. Она с такой детской радостью все это принимала, что людям доставляло удовольствие ей дарить. Она помнила, кто, в каком году, в какой день, при каких обстоятельствах и чем ее угощал. Всех своих благодетелей она ежедневно поминала в молитвах.

Евдокия любила работать, как она говорила, «по снабжению». Стояла часами в очередях за стиральным порошком, за туалетной бумагой, за какой-нибудь заграничной одежкой, которую советская власть иногда выбрасывала на прилавок. С удовлетворением сообщала мне: «Соды купила в ниверсаме 30 пакетов (это 7 кг). Тебе не надо?»

Митрополит Сурожский Антоний (Блюм) на службе в Ленинградской Духовной Академии

Бывало, рассмежит меня, а потом скажет, что в посту смеяться нельзя, можно только чуть улыбнуться, что Спаситель не смеялся.

– Тогда зачем Вы мне рассказали, как наколотили марганцовки, выпили аверьяновки и еле-еле добежали до винтаза?

– А так и было, Марийка, так и было.

Когда Евдокия с Пончиком возвращались со службы, в монастырском саду даже вороны переставали каркать. Евдокия старалась как можно громче отвечать своей подруге, которая тоненьким скрипучим голоском задавала ей бесконечные вопросы. Диалог велся в лучших юмористических традициях: обе были серьезны и сосредоточены только на предмете разговора.

Евдокия в молодые годы

Обычно я занимала среднюю позицию между ними, выполняя роль переводчика, а когда мне это надоедало, я отпускала вожжи разговора, и он лился с обеих сторон – каждая говорила о своем.

Я наслаждалась колоритным языком Евдокии. Мне с ней было интересно и весело: «Марийка, в пятницу панастас!» Когда она заболела, я убеждала ее попить горячего молока для скорейшего выздоровления.

– А что ж я теперь буду молоко есть, когда до Рождества палкой докинуть. Уж перетерплю, хоть и больная.

Когда любители давать советы предлагали ей поменять комнату, чтобы избавиться от злой соседки, Евдокия очень внимательно их выслушивала, кивала, соглашаясь с их доводами, а потом спокойно заключала: «От волка убежишь, на медведя нарвешься».

Мне она рассказывала историю, как две прихожанки решили съехаться в одну квартиру и что из этого потом вышло.

Как только наступал очередной пост, Евдокия делала попытки к примирению со своими соседями, но помириться ей не удавалось. «Я тоже не сахар», – сокрушалась она.

Валентина Александровна и попыток не делала. Она была непоколебимо уверена в своей правоте: «Я старый человек, и они, молодые, здоровые, должны считаться со мной. Зачем они открывают на кухне форточку? Ведь мне холодно».

Страдая глухотой, она часто жаловалась, что священники «тихо говорят»: «Ну как же это так! Я стою почти рядом с отцом N и ничего, ну ничего не слышу! Только “плоть, плоть, плоть, плоть!”»

Евдокия все себя корила, что плохая молитвенница, что больше занята земной суетой, чем мыслями о божественном. Под большим секретом сообщила мне, что она – инокиня Евлампия, а вот звания этого высокого недостойна.

Спевку проводит иеромонах Ионафан

Рассказывала, что только однажды почувствовала, что такое причастие, когда будто дверца в ее сердце открылась. А батюшка, причащавший ее, сказал: «Познал Господь Своих».

Евдокия о своих исповедях никогда не рассказывала. Это был мужественный боец. Она все-таки помирилась с соседями. Об этом событии я узнала от нее со всеми подробностями и тогда же записала ее рассказ.

«Слухай сюда, Марийка. Такое на меня было нападение врагов, что не приведи Господи. Скребу это я на кухне плиту, и вдруг выходит она. Все мои тряпки раскидала: это сюда не ложи, это не трожь. Стою я перед ей, как нищенка. Молчу. Только молю: “Господи, не дай мне рта раскрыть”.

Пришла я в свою комнатуху и думаю: дальше так жить нет никакой возможности, надо врага давить. И вспомнила я вдруг Лександра Невского. Это надо же, такой великий был царь, а и то в ноги хану поклонился за всю Русскую землю! А я – такой мусор – не могу смириться перед своей соседкой. Да что же это, думаю, такое!

Попросила я благословения у Матери Божией и дунула на кухню. Будь, думаю, что будет. Она там крутится у плиты. Я бух ей в ноги и говорю: “Нина, прости ты меня, грешную! Ну зачем нам в такой злобе жить? За что ты на меня так нападаешь? Что я твоей Гале дверь не открыла? Так я спала. Неужели ж я нарочно?”

Вижу, у ей на глаза слезы навернулись. Тут на шум выбег Кирьянович (муж соседки). Я и ему бух в ноги. А он мне: “Вы мне не кланяйтесь. Вставайте”. И у него прощения попросила. Сейчас все, слава Богу, хорошо. Живем в мире.

Вот ведь как смирения враг боится. А если бы я с ей пререкаться начала – мы бы до смертоубивства дошли. Дальше так жить не было никакой возможности».

Валентина Александровна и отец Игорь Мазур

Вот какую победу одержала безграмотная Евдокия. И победа эта далась ей нелегко. Много было этапов в этой борьбе. Было и такое, что все обыкновенно говорят: если я ей буду кланяться, то она вовсе разойдется и совсем на голову мне сядет.

Победа далась ей нелегко еще и потому, что по характеру она была женщиной сильной, властной, привыкшей не мытьем, так катаньем добиваться своего.

Валентина Александровна радовалась за свою подругу, но примеру ее не последовала.

– Мне с ей тяжело, – жаловалась Евдокия, – медленно идет. Конечно, года. Я-то на Божьем пути, а она и подавно.

Но Евдокиюшка умерла раньше, чем Валентина Александровна, хоть и была на 10 лет моложе. На 95-м году жизни Валентина Александровна упала в монастырском саду и сломала руку. Несколько лет она прожила в частном доме для престарелых и мирно отошла ко Господу, причастившись и попрощавшись со всеми. Никаких она подвигов не совершала, ничем не жертвовала, никому особенно не помогала, но покаяние у нее было такое детское и искреннее, о котором я могу только мечтать. В тональности ее молитв слышалась непоколебимая уверенность в том, что Бог ее поймет и простит.

Серафима

Имя, которое она получила при Крещении, во многом отражало ее характер – яркий, пламенный.

Мы познакомились на монастырском кладбище в Пюхтицах. Я пришла туда с тяжелым чувством. Собиралась уезжать. Не помню, как произошло знакомство, но после разговора с Серафимой я осталась в монастыре еще на неделю.

И события этой недели резко изменили направление всей моей жизни. Удивительно, как Бог посылает нам нужного человека в нужное время.

Серафима рассказала мне свою необыкновенную историю. Родилась она в Сибири. Во время войны ее семья оказалась на Украине. Ей было 18 лет. Впервые она обратилась за помощью к Богу, когда двое немцев пытались ее изнасиловать. Она подняла глаза к небу и взмолилась – и тут же как-то высвободилась и бросилась бежать.

Выйдя замуж, переехала в Киев. Жили они с мужем в хорошей квартире на Крещатике. Интересная работа, внимательный муж, достаток во всем. После 20-летней совместной жизни они развелись.

Она вышла на пенсию. Познакомилась с египтянином, который учился в аспирантуре в Киеве. Он уговорил ее выйти за него замуж. Ему было 37 лет, ей 56. Ее трогала его преданность, но больше всего Серафиме хотелось пожить за границей.

Два года она сражалась, чтобы получить разрешение на выезд. Препятствия были непреодолимыми, но бешеная энергия Серафимы разрушила все преграды, и она оказалась с мужем в Каире в квартире его родителей.

Сначала все было очень хорошо. Со временем Серафима узнала, что ее свекровь занимается колдовством.

Когда я выразила удивление по поводу того, что в интеллигентной семье возможно увлечение такого рода, Серафима сказала, что этим «древним искусством» в Египте занимаются многие.

Колдовство свекрови, как я поняла, не было направлено на Серафиму, а только на свои личные нужды. Однако наш человек, прошедший школу коммунистического воспитания и борьбы за всеобщую справедливость, не мог остаться в стороне. Серафима начала кампанию по разоблачению свекрови.

Она мне очень подробно рассказывала про каких-то мертвых птиц, завернутых в газету, про песок из могил и прочие ужасы. Помогал ей старый египтянин, хорошо разбирающийся в колдовской науке. Он посылал ей сообщения на расстоянии (она в буквальном смысле слышала его голос) и на расстоянии руководил ее действиями. Беспроводная связь нарушалась, когда Серафима совершала крестное знамение, а старик сердился и требовал, чтобы она прекратила «эти штучки». В Египте Серафима на собственном опыте убедилась в огромной силе Креста.

Я не могла уразуметь, как на родине великих христианских подвижников возможны такие черные чудеса. Колдуны, как объясняла мне Серафима, знают, что они попадут в ад, но они добиваются первых мест в этом аду... Иногда у меня возникала мысль о ее психическом нездоровье, но я ее тут же отбрасывала, видя перед собой живую, сообразительную, очень симпатичную женщину.

Свое расследование она довела до конца, развелась с мужем (его она очень жалела) и возвратилась в Киев.

Бывшая ее свекровь пылала ненавистью. Серафима хорошо запомнила тот день, когда в своей квартире, отдыхая в кресле, она вдруг почувствовала, что в нее вошло какое-то существо наподобие змеи. Это существо бегало по всему телу, не давая ей покоя ни днем, ни ночью. Она

обращалась к врачам, но никто ей помочь не мог. Тогда она побежала в церковь. Там ей стало легче, так как существо приутихло и свернулось комочком на голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.